

УДК 94(479.224)
ББК 63.3 (5 Гру - 6 Абх)
Т 65

Н.А. Трапш,

кандидат исторических наук, доцент кафедры специальных исторических дисциплин и документоведения Института истории и международных отношений Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, тел.: +7 9888992454, e-mail: tirpizn@sfnedu.ru

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ Г.А. ДЗИДЗАРΙΑ: ОПЫТ СИСТЕМНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

(Рецензирована)

Аннотация. Статья представляет собой авторскую реконструкцию теоретико-методологической концепции выдающегося абхазского ученого Г.А. Дзидзария, внесшего значительный вклад в системное исследование социально-экономической, политической и культурной истории Западного Кавказа XIX – начала XX столетия. Автор показывает широкий спектр теоретических представлений известного историка, сформировавшихся как под непосредственным воздействием марксистской парадигмы, так и в результате самостоятельных творческих размышлений. Микроисторический подход позволяет последовательно воссоздать научную лабораторию Г.А. Дзидзария, представляющую значительный интерес для современного исследователя.

Ключевые слова: историография, парадигма, Абхазия, источник, менталитет, традиция.

N.A. Trapsh,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Department of Special Historical Disciplines and Document Science of Institute of History and International Relations, the Southern Federal University, Rostov-on-Don, ph.: +7 9888992454, e-mail: tirpizn@sfnedu.ru

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL CONCEPT OF G.A. DZIDZARIA: EXPERIENCE IN SYSTEM RECONSTRUCTION

Abstract. This paper represents the author's reconstruction of the theoretical and methodological concept of Abkhazian outstanding scientist G.A. Dzidzaria who made the significant contribution to system research of social, economic, political and cultural history of the West Caucasus of the 19th – the beginning of the 20th century. The author shows a wide range of the theoretical notions of the famous historian created both under direct influence of a Marxist paradigm and as a result of independent creative reflections. Microhistorical approach allowed the author to recreate consistently the scientific laboratory of G.A. Dzidzaria representing considerable interest for the modern researcher.

Keywords: historiography, paradigm, Abkhazia, source, mentality, tradition.

Величественная фигура Г.А. символом абхазской исторической науки XX столетия, олицет-

воряющим важнейшие достижения профессионального историописания и постоянную борьбу за политическое и культурное самоопределение титульной нации, обескровленной массовым махаджирством и сталинскими репрессиями. Талантливый исследователь, сформировавший собственными трудами многотомную историю Абхазии имперской эпохи, вынужден был стать не только умелым организатором научной деятельности, но и искусным политиком, оберегавшим хрупкое здание региональной науки от разрушительного воздействия конъюнктурных факторов. Г.А. Дзидзария отчетливо понимал, что спорный научный вывод, не говоря уже об ошибочном административном решении, может стать естественным предлогом для нового удара по возрожденной абхазской интеллигенции, а потому был весьма осторожен в собственных рассуждениях и оценках. Однако подобный подход позволил не только обойти острые идеологические углы, но и создать сбалансированную историческую концепцию, характеризующую социально-экономическое, политическое и культурное развитие Абхазии в XIX – начале XX столетия. Отдельные выводы Г.А. Дзидзария, детерминированные господствующими идеологическими стереотипами советской эпохи, в настоящее время подвергаются обоснованной критике, но в целом творческое наследие выдающегося историка является естественным и прочным фундаментом для современной исследовательской практики.

В контексте указанного обстоятельства определенное удивление вызывает незначительное количество специальных исследований, посвященных концептуальным построениям признанного лидера абхазской историографии. Соответствующее предметное поле фактически ограничивается известными трудами А.Э. Куправа [1],

Б.Е. Сагария [2] и С.Ш. Салакая [3], что совершенно не отражает реальный уровень исследовательского интереса к творческому наследию Г.А. Дзидзария. Трудно не согласиться с авторитетным мнением А.Э. Куправа о том, что «давно назрела необходимость создания монографии о Г.А. Дзидзария, раскрывающей жизненный путь, многогранное творчество и активную жизненную позицию ученого» [4; 4]. Как представляется, последовательное формирование подобной историографической ситуации определяется непосредственным влиянием двух значимых факторов, складывающихся в современных социокультурных условиях. С одной стороны, абхазская историческая наука не избежала сформировавшегося исследовательского тренда, связанного с массовым обращением профессиональных историков к комплексному исследованию социально-экономических, политических и культурных реалий XX столетия. Отчасти подобный поворот определялся легко реконструируемым комплексом объективных причин, имеющих универсальное значение для постсоветского пространства: стремительный рост общего количества открытых документальных комплексов государственных и ведомственных архивов, повсеместное устранение цензурных ограничений, естественная возможность политической актуализации избранной проблематики. Вместе с тем, применительно к Абхазии можно выделить и дополнительные обстоятельства, связанные с существенными искажениями региональной истории XX столетия, осуществленными по политическим и идеологическим соображениям в советский период. В контексте указанного поворота творческие интересы значительной части абхазских историков, равно как и российских ученых, оказались достаточно далеки от Западного Кавказа XIX – начала XX столетия, являвшегося

главным объектом исследовательских интересов Г.А. Дзидзария.

С другой стороны, провинциальная историография имеет специфические особенности, связанные с системным обобщением предшествующего опыта. Как представляется, признанные лидеры регионального историописания не часто попадают в сферу заинтересованного внимания столичных исследователей, а местные последователи указанных выдающихся личностей либо вообще не рискуют изучать научное наследие недавних корифеев, либо подходят к соответствующей деятельности в исключительно апологетическом ракурсе. В абхазских условиях дополнительным сдерживающим фактором становится этнический менталитет, фиксирующий уважительное отношение к старшему поколению и способствующий консервативной интерпретации предшествующего исторического опыта.

Научное исследование начинается с последовательной выработки методологических ориентиров, определяющих дальнейшую работу над эмпирическим материалом, полученным из источниковых комплексов и предшествующей историографической традиции. В контексте указанного обстоятельства особый интерес представляет системная реконструкция авторской методологии, являющейся своеобразным ключом к адекватной интерпретации объективных результатов исследовательской практики. Историческая наука на постсоветском пространстве в настоящее время с большим трудом избавляется от интегративного подхода в методологических оценках, в рамках которого каждый автор непременно относится к конкретной школе или направлению, ориентированным на определенную систему аксиологических и эпистемологических ориентиров. Индивидуальный исследовательский путь самобытных ученых сводится к клишированным

понятиям («позитивистская методология», «неокантианская методология», «марксистская методология», «постмодернистская методология»), загоняющим творческий акт в заранее подготовленное «прокрустово ложе».

В европейской науке, активно культивирующей микроисторические исследования в методологической парадигме Д. Леви и К. Гинцбурга, подобный подход выглядит очевидным анахронизмом [5]. Важнейшим исследовательским объектом становится индивидуальная творческая лаборатория отдельного историка, своеобразным оборудованием которой являются оригинальные познавательные методы и модели. Указанные методологические конструкции могут носить новаторский характер или качественно интерпретировать предшествующий исследовательский опыт, но в любом случае они представляют значительный интерес в контексте адекватной интерпретации авторских размышлений и выводов. Как представляется, творческая лаборатория Г.А. Дзидзария является значимым объектом для подобного исследования, предоставляющим любопытный материал для творческих размышлений.

Учитывая реальное своеобразие советской историографии, современный ученый не может ориентироваться на текстовые упоминания об авторской методологии, так как они носят клишированный характер и неизменно выдержаны в марксистском духе. Фундаментальные труды Г.А. Дзидзария не представляют собой реального исключения из описанного общего правила, что не является формальным поводом для беспочвенных обвинений в научном ретроградстве, свойственным некоторым российским исследователям постсоветской эпохи. Подобные явления являются неизбежной данью собственной эпохе, общественные настроения и политический климат которой определяют

исследовательский менталитет. На первых страницах фундаментального труда «Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия» Г.А. Дзидзария отмечает, что «методологическую основу для раскрытия этого сложного явления (*махаджирства – Н.Т.*) дают труды классиков марксизма-ленинизма» [6; 3]. Но в дальнейшем изложении многие авторские подходы весьма существенно расходятся с заявленной базовой парадигмой, демонстрируя самостоятельность и широту научного мышления выдающегося ученого.

Важнейшие события и явления Г.А. Дзидзария рассматривает в широком социокультурном контексте, который принципиально далек от механистического экономического детерминизма, свойственного марксистской историографии. В частности, он не сводит многообразные причины трагического махаджирства к естественному желанию дворянской корпорации сохранить хозяйственную власть над рядовыми крестьянами, а указывает на другие факторы, носящие, в том числе, и ментальный характер (например, туркофильские настроения правящей элиты или искусственно сконструированные родственные связи). Рассматривая реальные особенности длительного формирования дореволюционной абхазской интеллигенции, Г.А. Дзидзария не абсолютизирует социальные детерминанты, придавая особое значение личным способностям отдельных представителей складывающейся интеллектуальной прослойки. Выдающийся историк сохраняет творческую самостоятельность и при всесторонней оценке революционных событий начала XX столетия в Абхазии, справедливо указывая на то существенное обстоятельство, что системная радикализация местного социума определялась не только социально-классовыми противоречиями, но и национально-освободительными мотивами. Вместе с тем, следует согласиться с авторитетным мнением

С.Ш. Салакая, согласно которому Г.А. Дзидзария в отдельных случаях неоправданно преувеличивает реальную роль марксистской идеологии, якобы имевшей широкое распространение в абхазском обществе [3; 64]. Очевидно, что подобный гротескный реверанс в адрес доминирующей парадигмы определялся не столько внутренней убежденностью профессионального историка, сколько естественным стремлением создать очередной интеллектуальный барьер для конъюнктурных критиков, способных дискредитировать самое качественное исследование с идеологических позиций.

Следует отметить то существенное обстоятельство, что выдающийся ученый уделял особое внимание двум направлениям исследовательской деятельности, которые не обладали приоритетным значением в рамках господствующей идеологии. С одной стороны, главным объектом научных интересов Г.А. Дзидзария была локальная история, которая традиционно рассматривалась в качестве своеобразного приложения к глобальным процессам, подтверждавшим формационную модель общественного прогресса. Вследствие указанного обстоятельства он вынужден был постоянно соотносить местные события и явления с российскими реалиями, что в особой степени проявилось при системном изучении революционных событий начала XX столетия. С другой стороны, Г.А. Дзидзария уделял значительное внимание персональной истории, что не в полной мере вписывалось в марксистское представление о доминирующей роли обезличенных народных масс. Он активно занимался биографическими реконструкциями не только применительно к региональным большевистским лидерам, являвшимся достойным объектом исследовательской деятельности советского историка, но и по отношению к рядовым участникам революционного движения, что отчетливо проявилось

в блестящем исследовании о боевой дружине «Киараз» [7]. Более того, Г.А. Дзидзария заинтересованно изучал личные судьбы абхазских князей и дворян, которых рассматривал в качестве важнейших действующих лиц абхазской истории. Подобные методологические «вольности», без сомнения, свидетельствуют о самостоятельном характере творческого мышления выдающегося историка, главной задачей которого было не слепое следование заданному канону, а всесторонний анализ истинной сущности рассматриваемых явлений.

Отдельного внимания заслуживают оригинальные подходы Г.А. Дзидзария к системному изучению исторических источников и предшествующей историографической традиции, которые находятся в общем русле советской исследовательской традиции, но содержат некоторые небесспорные авторские новации. Приоритетное значение выдающийся историк отдавал документальным свидетельствам, которые в большом количестве извлекал из крупнейших архивохранилищ Москвы, Ленинграда, Тбилиси, Краснодара и вводил в научный оборот. Г.А. Дзидзария подвергал привлекаемые источники критическому переосмыслению, но полагал, что официальные документы в меньшей степени подвержены субъективным оценочным суждениям. В настоящее время подобное мнение может рассматриваться как исследовательское заблуждение с учетом очевидного влияния официальной имперской идеологии на делопроизводственную практику, но для советского периода подобная позиция соответствовала доминирующим представлениям. Г.А. Дзидзария активно использовал и нарративные источники, включающие известные труды российских и иностранных современников описываемых событий. Однако подавляющее большинство подобных свидетельств он считал весьма

тенденциозными в содержательном плане, а потому использовал в качестве иллюстративного материала для собственных выводов, подтвержденных верифицированными документами. Определенное исключение составляли нарративные источники, установленные авторы которых были близки к официальной среде и не замечены в особых симпатиях к имперским властям или в пристрастном отношении к горским сообществам.

Комплексный анализ историографического материала, размещенный во вводных разделах большинства известных трудов Г.А. Дзидзария, имеет двойственный характер. С одной стороны, он признавал определенную преемственность дореволюционной и советской исторической науки, проявлявшуюся как в оценочных суждениях, так и в некоторых исследовательских методах. По мнению выдающегося историка, «...в нашей литературе до сих пор ощущается известное влияние этой науки (*дореволюционной – Н.Т.*) в освещении событий в Абхазии, в частности, в трактовке позиции ее владельца Михаила Шервашидзе (Чачба)» [8; 6]. С другой стороны, подчиняясь господствующей идеологической парадигме, Г.А. Дзидзария вынужден был высказывать не всегда адекватные критические замечания в адрес дореволюционных историков. В частности, он отмечал, что «основной методологический порок старой историографии заключался в том, что ее представители не занимались изучением экономической истории края, не вскрывали процессов развития производительных сил и производственных отношений, социально-экономический строй рисовался вне классовой борьбы крестьянства» [6; 21]. Однако Г.А. Дзидзария по возможности старался избежать нежелательной ритуальной критики в адрес действующих коллег и предшествующей историографической

традиции, представленной не только значимыми трудами отечественных авторов, но и профильными исследованиями европейских и турецких ученых. В необходимых случаях он использовал интересную исследовательскую технологию, ссылаясь в критических замечаниях на известные труды авторитетных предшественников, например, А.В. Фадеева, высказывавшего жесткие замечания в адрес исторической школы М.Н. Покровского.

Г.А. Дзидзария умело использовал и некоторые полезные традиции, выработанные дореволюционной историографией. Со времен Н.М. Карамзина многие российские историки придавали особое значение пространному подстрочным примечаниям, рассматривая соответствующие текстовые разделы в качестве естественного пространства для системного уточнения

собственных размышлений и выводов. Аналогичные фрагменты присутствуют во многих масштабных трудах Г.А. Дзидзария, выступая в отдельных случаях в качестве самостоятельных локальных исследований.

В целом, необходимо признать, что действуя в рамках марксистской методологической парадигмы, выдающийся абхазский ученый не утратил самостоятельного и творческого мышления, что позволило выработать оригинальные подходы к комплексному исследованию абхазской истории XIX – начала XX столетия. Как представляется, соответствующие идеи Г.А. Дзидзария являются естественным фундаментом для современной исторической науки и заслуживают дальнейшего изучения, осуществляемого в рамках микроисторического подхода к исследовательской практике.

Примечания:

1. Куправа А.Э. Георгий Алексеевич Дзидзария. Сухум, 2006.
2. Куправа А.Э., Сагария Б.Е. Георгий Алексеевич Дзидзария. Сухуми, 1984.
3. Салакая С.Ш. Вопросы истории Абхазии XIX – начала XX века в абхазской советской историографии. Сухум, 2009.
4. Куправа А.Э. Георгий Алексеевич Дзидзария. Сухум, 2006.
5. Гинзбург К. Мифы – эмблемы – приметы. М., 2004.
6. Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1982.
7. Дзидзария Г.А. Киараз. Сухуми, 1981.

References:

1. Kuprava A.E. Georgy Alekseevich Dzidzaria. Sukhum, 2006.
2. Kuprava A.E., Sagariya B.E. Georgy Alekseevich Dzidzaria. Sukhumi, 1984.
3. Salakaya S.S. Questions of the history of Abkhazia of the XIX – early XX century in Abkhaz Soviet historiography. Sukhum, 2009.
4. Kuprava A.E. Georgy Alekseevich Dzidzaria. Sukhum, 2006.
5. Ginsburg K. Myths – emblems – signs. M., 2004.
6. Dzidzaria G.A. Muhajirism and the problems of the history of Abkhazia of the XIX century. Sukhumi, 1982.
7. Dzidzaria G.A. Kiaraz. Sukhumi, 1981.